

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7

Книга I. Островная раса

Глава I. Британия	8
Глава II. Покорение	20
Глава III. Римская провинция	32
Глава IV. Затерянный остров	41
Глава V. Англия	59
Глава VI. Викинги	73
Глава VII. Альфред Великий	87
Глава VIII. Саксонский закат	107

Книга II. Становление нации

Глава IX. Нормандское вторжение	124
Глава X. Вильгельм Завоеватель	133
Глава XI. Рост среди смуты	144
Глава XII. Генрих Плантагенет	159
Глава XIII. Английское общее право	171
Глава XIV. Львиное Сердце	180
Глава XV. Великая хартия вольностей	193
Глава XVI. На наковальне	206
Глава XVII. Начало парламента	219
Глава XVIII. Король Эдуард I	228
Глава XIX. Баннокберн	249
Глава XX. Шотландия и Ирландия	257
Глава XXI. Лук	266
Глава XXII. Черная смерть	281

Книга III. Конец феодального века

Глава XXIII. Ричард II и социальный протест	291
Глава XXIV. Узурпация Генриха Болингброка	311
Глава XXV. Империя Генриха V	320
Глава XXVI. Жанна д'Арк	329
Глава XXVII. Йорки и Ланкастеры	337
Глава XXVIII. Война Роз	351
Глава XXIX. Приключения Эдуарда IV	364
Глава XXX. Ричард III	381

Предисловие

Эта книга не претендует на то, чтобы соперничать с работами профессиональных историков. Скорее, ее цель в представлении собственной точки зрения на те процессы, посредством которых англоговорящие народы во всем мире достигли своего особого положения и приобрели особую репутацию. Я пишу о тех событиях в нашем прошлом, которые кажутся значительными мне, и делаю это как человек, имеющий некоторое знакомство с суровыми испытаниями последних десятилетий.

Я использую термин «англоговорящие народы», потому что нет другого, применимого как к обитателям Британских островов, так и к тем независимым нациям, которые выводят свои истоки, речь и многие институты из Англии и которые ныне сохраняют, развивают и подпитывают их по-своему.

Я прослеживаю историю англоговорящих народов с самых ранних времен до кануна открытия европейцами Нового Света. В 1485 г. новая династия взошла на английский трон. Семь лет спустя в Америке высадился Колумб, и с этой даты берет свое начало новая эпоха в истории человечества.

Каждая нация или группа наций имеет собственную историю. Знание испытаний и трудностей необходимо всем, кто хочет понять проблемы сегодняшнего дня. Познание прошлого не служит стремлению к господству или поощрению национальных амбиций в ущерб миру во всем мире. С надеждой, что знакомство с тяготами и испытаниями наших предков может не только консолидировать англоговорящие народы, но и сыграет хотя бы небольшую роль в объединении всего мира, я и представляю этот труд.

Уинстон Спенсер Черчилль

КНИГА I. ОСТРОВНАЯ РАСА

ГЛАВА I. БРИТАНИЯ

Летом 699 г. от основания Рима, то есть за 55 лет до рождения Христа, проконсул Галлии, Гай Юлий Цезарь, устремил свой взгляд в сторону Британии. Еще ведя войны в Германии и Галлии, он обратил внимание на этот мрачный остров, уже тогда ставший препятствием на пути осуществления его проектов и разжегший его амбиции. Он знал, что эти земли населяют такие же племена, как и те, которые противостояли римскому оружию в Германии, Галлии и Испании. Жители острова помогали местным племенам в последних кампаниях на северном берегу Галлии и принадлежали к тем же кельтским народам, что и они. Но кельтские черты были у них более выражены из-за замкнутой островной жизни. Воины-добровольцы с острова разделили горечь поражения венетов на берегах Бретани за год до этого. Беженцы из быстро завоеванной Галлии нашли теплый прием и убежище в Британии.

Для Цезаря завоевание острова стало частью покорения северных варваров и распространения на них римского правления. Нетронутая земля, не страдающая от избытка лесов и болот, отличалась плодородием. Климат, хотя и далеко не мягкий, был ровным и здоровым. Местные жители, пусть грубые и неотесанные, представляли определенную ценность для использования в качестве рабов в земледелии, в рудниках и даже для работы по дому. Ходили слухи о жемчуге и золоте, которыми якобы изобилывал остров.

Существовали и другие веские причины для покорения острова. Товарищ Цезаря по Триумvirату, Красс, уже возбудил воображение римского Сената и народа своим ярким и смелым маршем в направлении Месопотамии. Здесь, на другом краю ойкумены, Цезарю предоставлялась возможность совершить нечто столь же дерзкое. Римляне ненавидели море и боялись его. Крайним напряжением сил они за двести лет до этого победили Карфаген на родном для себя Средиземном море, но мысль о высадке римских легионов на далеком, неизведанном, мифическом острове в бескрайнем Северном океане будоражила умы и стала бы темой разговоров во всех слоях римского общества.

Юлий Цезарь. Римская статуя I века до н.э.

Кроме того, Британия была исконным центром религии друидов, которая в разной степени и в разных формах оказывала влияние на жизнь Галлии и Германии. «Те, кто хочет изучить этот предмет, — писал Цезарь, — обычно отправляются с этой целью в Британию». Тамашние друиды не зная жалости приносили отвратительные человеческие жертвоприношения. Таинственные лесные жрецы связывали себя и своих сторонников узами самых ужасных ритуалов, в которых только может участвовать человек. По-видимому, именно там, на деревянных алтарях этого мрачного острова, скрыт один из ужасных и тревожащих воображение секретов, который объединял галльские племена. И откуда только взялся этот жуткий обычай? Не является ли он частью наследия Карфагена, завещанного Западному миру перед тем, как римские легионы разрушили его до основания? Тогда это одна из проблем, не решенных до сих пор. Цезарь был прозорлив, и там, где он побеждал, возникла цивилизация.

Итак, в то лето, за 55 лет до рождения Христа, он вывел свою армию из Германии, уничтожил искусно построенный им самим величественный деревянный мост, перекинутый через Рейн где-то севернее Кобленца, и в течение июля успешно продвигался на запад, к галльскому побережью, примерно в район между современными городами Кале и Булонью.

Цезарь считал бриттов одной из отсталых ветвей кельтских племен, подобных тем, которые он приводил к подчинению в Галлии. С армией из десяти легионов (менее 50 тысяч солдат) он собирался бороться против храброго, воинственного народа, насчитывавшего около полумиллиона воинов. На другом фланге римскому полководцу угрожали германцы, откатившиеся на запад под давлением с востока. Его политика по отношению к ним состояла в том, чтобы отбрасывать их наступающие орды к Рейну каждый раз, когда они вторгались в лежащие за этой рекой области.

Хотя война тогда велась с обеих сторон только закаленным железом и успех зависел лишь от дисциплины и искусства полководца, Цезарь понимал, что он и его солдаты не уступают этим здоровякам. Ему казалось, что рейд на Британию ненамного увеличит трудности и опасности похода. Но на побережье обнаружили новые проблемы: приливы, неизвестные на Средиземном море, шторма, часто и яростно обрушивающиеся на берега. Капитаны римских галер столкнулись с грозной мощью Северного моря. Тем не менее всего лишь за год до этого они, с заметным преимуществом, уничтожили флот стойких прибрежных венетов. Серпами, прикрепленны-

ми к концам длинных шестов, римляне перерезали веревки и фалы на отличных парусных судах противника, а абордажные группы перебили экипажи. Они взяли под свой контроль проливы, отделявшие Британию от материка.

Теперь соленая вода была уже не барьером между ними, а дорогой, ведущей к острову. Если не принимать во внимание случайности погоды, приливы и течения, о которых он, по собственному признанию, не мог получить достоверной информации, Юлий Цезарь не видел каких-либо трудностей в осуществлении вторжения на Британию. Тогда еще не было той далекой цепи истерзанных бурями кораблей, которые спустя почти две тысячи лет встали между великим корсиканским завоевателем и господством над миром. Все, что было нужно, — это выбрать хороший ясный день в августе, забросить несколько легионов на ближайший берег и посмотреть, каков в конце концов собой этот странный остров.

Двигаясь от Рейна через северную Галлию, возможно через Реймс и Амьен, к побережью, Цезарь послал одного из своих людей на боевом корабле на разведку к берегам острова, и, когда он вышел туда, где сейчас Булонь, или, может быть, к устью Соммы, разведчик уже ждал вместе со знающими людьми, кельтскими вождями, торговцами и бриттами-предателями. Сконцентрировав свои силы, разбившие венетов, в двух портах или бухтах, ближайших к Британии, Цезарь стал дожидаться подходящего для десанта дня.

* * *

Каким же в действительности был этот остров, которому впервые в истории предстояло стать единым целым с огромным миром? Уже в двадцатом столетии около Суонскомба раскопали человеческий череп, которому не менее четверти миллиона лет. Биологи находят важные различия в строении черепов современных людей, но нет никаких оснований полагать, что этот далекий палеолитический предок не был способен на все те преступления и глупости, которые во все времена ассоциировались с человечеством.

Очевидно, на протяжении долгого, почти неподвижного времени мужчины и женщины, обнаженные или укрытые шкурами животных, бродили по первозданным лесам и перебирались через широкие топи, охотясь друг на друга и диких зверей, подбадриваемые, как прекрасно говорит историк Тревельян, песнями несметных птиц. Считается, что вся южная Британия могла в тот период прокормить своей дичью не более семисот семей. Вот уж и впрямь венцы творения! Они на-

селяли всю эту чудесную землю и не знали никакой работы, кроме спорта и драки. К тому времени человек уже выяснил, что камень лучше кулака. Люди зарывались поглубже в мел и щебень в поисках подходящих по качеству и размерам кусков кремня для боевых топоров и тем самым обеспечивали себе выживание. Но пока они научились только делать из кремня грубые орудия, оббивая их края.

В конце ледникового периода изменения в климате сокрушили культуры охотников древнекаменного века, а по прошествии долгого периода волны вторжений занесли в западные леса неолитическую культуру. Пришельцы владели примитивным земледелием: взрыхляли землю и сеяли семена съедобных трав. Они делали ямы или норы, которые постепенно наполняли отбросами, и для большей безопасности держались вместе. Тогда же были построены земляные ограждения на склонах холмов, куда они загоняли скот на ночь. Уиндмилл Хилл, около Эйвбери, иллюстрирует попытки этих примитивных инженеров, пытавшихся защитить стада и людей. Более того, неолитический человек изобрел способ шлифовать камень, придавая ему необходимую для убийства форму. Это означало большой прогресс, но впереди были и другие изобретения.

Похоже, что в то время «вся Западная Европа была населена расой долихоцефалов, несколько различающихся внешне, и особенно цветом кожи, вероятно, более светлым на севере и более темным на юге, но в основном похожих. В эту область «длинноголовых» вклинились гонимые с востока «круглоголовые» пришельцы, известные антропологам как «альпийская раса». Но все же большинство хлынувших в Британию людей принадлежали к западноевропейскому «длинноголовому» типу, и поэтому они в общем имели сходство с людьми, уже жившими там; следовательно, несмотря на различия среди разнообразных пришельцев, в Британии существовала тенденция к установлению и поддержанию относительного единообразия «длинноголового» типа».

Огромное большинство черепов, найденных в Британии, какой бы век мы ни взяли, принадлежит к длинно— или среднеголовому видам. Тем не менее известно, что народ культуры колоколовидных кубков и другие «круглоголовые» племена проникали в разных местах на остров и упрочивали свое положение как одного из основных элементов населения.

Кремация, принятая почти повсеместно в период позднего бронзового века, уничтожила все свидетельства смешения длинноголовых и круглоголовых людей, но, несомненно,

оба типа сохранялись, и на основании более поздних свидетельств, когда в римские времена кремация сменилась захоронением, антропологи старшей школы утверждают, что способны обнаружить характерный романо-британский тип, хотя он, возможно, установился еще до римского завоевания. Правда, дальнейшие исследования поставили под сомнение это утверждение.

В давние времена Британия была частью континента. Ее соединяла с Голландией широкая долина, где Темза и Рейн встречались и несли свои воды на север. После какого-то легкого сдвига земной поверхности эта долина опустилась на несколько сот футов и открыла доступ океану к Северному и Балтийскому морям. Океанские волны и приливы промыли Дуврский пролив и Английский канал. Когда случился этот громадный разрыв? До последнего времени геологи относили его к периоду задолго до появления неолитического человека. Но изучение слоев глины, отложений норвежских ледников показывает слой за слоем и год за годом, какой была погода, и к тому же современная наука нашла другие методы счета веков.

На основе этих и других данных были созданы временные и климатические шкалы, охватывающие с допустимой точностью много тысяч лет доисторического времени. Эти шкалы позволяют определить, когда в результате некоторого смягчения климата дубовые леса сменили хвойные, а окаменелая растительность дает дополнительные детали. Сети траулеров приносят со дна Северного моря фрагменты деревьев, и те, помещенные на климатическую шкалу, показывают, что дубы росли на 60 морских саженей ниже нынешнего уровня моря менее 9 тысяч лет тому назад, когда строились пирамиды и ученые египтяне старательно исследовали древние руины Саккары. Британия все еще оставалась чем-то вроде выступа Европы или же отделялась от нее узким приливным потоком, постепенно увеличившимся до Дуврского пролива.

Тогда же, когда наш нынешний остров еще был соединен с континентом, произошло другое великое усовершенствование в человеческих методах разрушения. Стали известны медь и олово, и их открытие взбудоражило мир. Первая была слишком мягкой, а второе — слишком хрупким для изготовления оружия, но, смешанные человеческим гением, они открыли Бронзовый век. Люди, вооруженные бронзовым оружием, могли одолеть тех, кто имел кремневое. Это изобретение приветствовалось, и Бронзовый век вступил в свои права.

Нашествие, или, скорее, проникновение бронзовых орудий и оружия с континента заняло многие столетия, и лишь по прошествии двадцати или тридцати поколений стали заметны какие-то изменения. Профессор Коллингвуд нарисовал нам картину позднего Бронзового века. «Британия, — говорит он, — в целом была отсталой страной по сравнению с континентом, примитивной, застойной и пассивной, получавшей большую часть плодов прогресса в результате вторжений и вывоза из-за морей. Ее население жило либо изолированными хозяйствами, либо в деревнях, расположенных главным образом на каменистых берегах рек или на возвышенностях, таких, как меловые холмы и оолитовые плато, которые к тому времени в значительной степени лишились естественной растительности.

Каждое поселение окружали небольшие поля, возделываемые то ли сохой, вроде той, которой еще недавно пользовались арендаторы на Гибридах, то ли — в лучшем случае — легким плугом, рыхлившим почву, не переворачивая дерна. Умерших сжигали, а их пепел сохраняли в урнах, закапывая их на обычных кладбищах. Итак, на земле обитали предприимчивые племена, жившие земледелием и скотоводством.

Дополнительными источниками для их существования служили охота и рыболовство. Жизнь была устойчивой и стабильной, и численность населения росла. Они делали грубые гончарные изделия без гончарного круга и все еще использовали кремль для таких вещей, как наконечники стрел, но их посещали странствующие плавильщики бронзы, умевшие делать мечи, копыя, топоры и многие другие виды инструментов и утвари, например, серпы, плотницкие инструменты, металлические части колесных повозок, ведра и котлы. Судя по отсутствию городов и малочисленности настоящих укреплений, эти люди были малоорганизованны для войны, а их политическая жизнь была проста и неразвита, хотя определенно существовало различие между богатыми и бедными, так как многие виды (но не все) металлических предметов, принадлежащих тому периоду, подразумевают значительную степень богатства и роскоши».

Поздний Бронзовый век в южных частях Британии, по мнению большинства авторитетных ученых, начался за 1000 лет до новой эры и продолжался приблизительно до 400 г. до новой эры. К этому времени парад изобретений вывел на сцену новый металл. Было открыто железо, и постепенно его научились ковать. Люди, вооруженные железом, пришли с континента в Британию и уничтожили людей бронзы. В этом чрез

минувшие тысячелетия мы можем ясно узнать себе подобно-го. Безусловно, современный человек назвал бы двуногое существо, способное убить другого железным оружием, человеком и своим братом. Нет никаких сомнений, что для того чтобы крушить черепа, будь то длинноголовые или круглые, железо подходит лучше всего.

Железный век пришел на смену Бронзовому. Он принес с собой более сложную и высокую форму общества, но тогдашнее население с его рутинными обычаями воспринимало новшества очень незначительно. Оно менялось крайне медленно и понемногу. Конечно, бронзовые инструменты оставались в употреблении, особенно в Северной Британии, до последнего века накануне новой эры.

Столкновение железа с бронзой произошло на нашем острове до того, как он привлек внимание Юлия Цезаря. Начиная приблизительно с 500 г. до новой эры периодические вторжения с материка постепенно видоизменили всю южную часть острова. «В целом, — говорит профессор Коллингвуд, — поселения, где найдены гончарные изделия, характерные для этой культуры, встречаются по всему юго-востоку. Многие из них указывают на образ жизни, почти неотличимый от того, который вели люди позднего Бронзового века: это отдельные хозяйства или деревни, часто незащищенные, лежащие среди небольших полей на берегах рек или на небольших возвышенностях. Их жители хранили зерно в подземных ямах и мололи его с помощью примитивных ручных мельниц, в которых еще не было верхнего камня, вращающегося на нижнем, держали быков, овец, коз и свиней. Мертвых главным образом кремировали. Они все еще пользовались бронзовыми и даже каменными орудиями и почти не имели железных. Время их существования определяется по изменениям в стиле керамики, которую, однако, по-прежнему делали без гончарного круга».

Переселенцы Железного века вновь стали возводить стоянки на вершинах холмов, строительство которых прекратилось еще в конце неолитического века. В IV-III вв. до новой эры в обитаемых частях острова их появилось немало. Они состояли из вала, иногда каменного, но обычно земляного, обложенного бревнами и защищенного сплошным рвом.

Размеры этих валов были обычно не очень большими. Входы проектировались просто, хотя археологические раскопки в некоторых случаях обнаружили при них остатки деревянных сторожек. Эти стоянки являлись не просто убежищами. Часто они представляли собой поселения с отдельны-

ми жилищами и были постоянно обитаемыми. Не похоже на то, чтобы они служили чужакам в качестве опорных пунктов на вражеской земле. Наоборот, вероятно, они возникали постепенно, по мере увеличения числа пришельцев, имеющих железные орудия, и развития племенной системы, которая и породила в конце концов войны между различными родами.

Последняя волна кельтских нашествий, отметивших Железный век, накрыла Англию в начале первого века до нашей эры. «Племена белгов появились в Кенте и распространились по Эссексу, Хартфордширу и части Оксфордшира, тогда как другие группы... позднее... распространились по Гемпширу, Уилтширу, Дорсету и части Суссекса». Нет сомнений в том, что белги были самыми развитыми из всех пришельцев, когда-либо прежде достигавших глубин острова. Они ездили верхом и на колесницах. Они менее других племен селились в укреплениях на холмах, которым так доверяли тогдашние жители. Белги построили новые города в долинах, иногда выбирая места пониже старых поселений. Они первыми пустили в обращение серебряные и медные монеты. Пришельцы стали племенной аристократией Британии, покорив старожилов этих мест. На востоке они построили Уитхемпстед, Веруламий (Сент-Олбанс), Камулодунум (Колчестер); на юге Каллева (Силчестер) и Вента Белгарум (Винчестер). Считается, что белги произошли от обитателей Галлии и являются родственными им. Это деятельное, энергичное, властное племя с легкостью и быстротой утверждалось повсюду и, возможно, рассчитывало на долгое господство. Но за ними уже слышалась тяжелая поступь римских легионов, и вскоре белгам пришлось защищать свой трофей от еще лучших воинов и от более высоких систем управления и ведения войны.

Между тем в Риме, центре тогдашнего цивилизованного мира, о западных островах имели лишь смутное представление. «Древние географы полагали, что океан окружает всю землю, и не знали ни о каких островах в нем», — пишет Дэрби в «Исторической географии Англии». Геродот около 445 г. до новой эры слышал что-то о таинственных островах далеко на западе, которые называл Касситеридами, но осторожно относил их в область мифов. Однако в середине IV в. до новой эры Пифей из Марсея — определенно, один из величайших в истории исследователей — совершил два путешествия, во время которых действительно обогнул Британские острова. Он объявил о существовании «Претанических островов, Альбиона и Иерны», как называл их Аристотель. Пифея сочли выдумщиком, и его открытия вызвали восхищение только после

того, как мир, в котором он жил, давно ушел в прошлое. Но уже в III в. до новой эры римляне хорошо знали о трех больших островах — Альбион, Иерне, Туле (Исландия). Это был самый край света, где все казалось необычным и чудовищным. Тем не менее в Риме была развита торговля оловом, в которой были замешаны большие интересы, и Полибий, писавший в 140 г. до новой эры, показывает, что по крайней мере этот аспект широко обсуждался теми, кто писал о торговле.

* * *

Обо всем этом мы информированы гораздо лучше, чем Цезарь, когда он отплыл из Булони. Вот некоторые из полученных им впечатлений:

«Внутренняя Британия населена людьми, которые утверждают, на основании устных преданий, что являются исконными жителями этих мест; побережье занимают пришельцы-белги, явившиеся для грабежей и войны, — почти все они сохранили названия племен, от которых происходят, и потом осели и стали возделывать землю. Этот народ весьма многочислен, дворы в поселениях стоят близко друг к другу, сильно напоминая галльские, и скота очень много. В качестве денег они используют бронзовые или золотые монеты, а также железные слитки установленного веса. Во внутренней части острова находят олово, а у побережья есть немного железа; медь они обычно привозят. Тамашние леса разнообразны, как и в Галлии, только бук и ель не растут здесь. Они считают, что кроликов, кур и гусей есть нельзя, но их держат ради удовольствия и забавы. Климат умереннее, чем в Галлии, холода не такие суровые...

Самые цивилизованные из жителей — те, которые живут в Кенте (это район полностью береговой) и чей уклад жизни немногим отличается от галльского. Большинство племен внутренней части не засевают полей, а живут за счет молока и мяса и носят звериные шкуры. Все бритты раскрашивают тела вайдой, которая имеет синий цвет, и это придает им более страшный вид в бою. Волосы они носят длинные, а все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен они имеют общих на 10-12 мужчин, особенно братья и отцы с сыновьями; но дети от этих союзов считаются детьми того, кто первым сожительствовал с женщиной».

В один из теплых дней в конце августа 55 г. до новой эры Цезарь отплыл с восьмьюдесятью транспортными судами, на которых разместились два легиона. Корабли вышли в море в полночь, а уже с первыми лучами солнца римский полково-

дец увидел белые скалы Дувра со стоявшими на них вооруженными людьми. Он счел это место «совершенно неподходящим для высадки», так как со скал можно было обстреливать берег. Тем не менее он стал на якорь до прилива, а затем прошел на семь миль дальше и высадился на Альбион между Дилом и Уолмером, на отлогом берегу.

Но бритты, наблюдавшие за этими передвижениями, двигались вдоль берега и оказались готовыми встретить его. Произошедшие далее события вошли в историю. Мужчины, верхом и на колесницах, вышли к берегу, чтобы с оружием в руках встретить чужаков-завоевателей. Боевые и транспортные корабли Цезаря остановились там, где было глубже. Легионеры, думая, что глубина весьма велика, замешкались перед градом дротиков и камней, но орлоносец десятого легиона бросился в воду со священной эмблемой, и Цезарь повел свои боевые суда с катапультами и лучниками на фланг бриттов. Ободренные римляне прыгивали с кораблей и, с трудом строясь на ходу, по колено в воде пошли на врага. Произошла короткая ожесточенная схватка в волнах, но римляне достигли суши и, приняв боевой порядок, вынудили бриттов бежать.

Однако тяжелая высадка стала лишь первой из ожидавших Цезаря неприятностей. Его кавалерия на восемнадцати транспортах, пустившаяся в путь три дня спустя, уже была в поле зрения лагеря, когда внезапно налетевший ветер унес суда далеко вниз по проливу, и римлянам еще очень повезло, что они вернулись на континент.

Высокий прилив нанес тяжелый урон стоящему на якоре флоту. Цезарь, привыкший к небольшим приливам родного Средиземного моря, не ожидал этого и не понял его причины — полнолуния. «Несколько кораблей, — пишет он, — были разбиты, а остальные, потеряв канаты, якоря и остаток такелажа, пришли в негодность, что, естественно, поставило всю армию в трудное положение. У них не было ни других кораблей, чтобы вернуться, ни материалов для строительства нового флота, а так как предполагалось, что им нужно вернуться в Галлию на зиму, то они и не запаслись зерном для зимовки в Британии».

После сражения на берегу бритты запросили мира, но затем, видя, какие невзгоды обрушились на пришельцев, и надеясь на благоприятный оборот событий, прервали переговоры. Многочисленное войско напало на римских фуражиров. Но легионеры заранее побеспокоились о мерах предосторожности, а дисциплина и оружие снова сказали свое слово. О том, сколько пищи было на острове, можно судить по тому, что

два легиона продержались две недели за счет находившихся поблизости от лагеря полей. Бритты покорились. Победители выдвинули незначительные требования. Разобрав большую часть кораблей для ремонта остальных, Цезарь был рад вернуться на материк с несколькими заложниками и пленными. Он и не пытался представить свою экспедицию успешной. Чтобы стереть память о ней, он вернулся в следующем году, на этот раз с пятью легионами и кавалерией, доставленными на восьмистах судах. Размеры этой армады привели бриттов в ужас.

Высадка прошла без помех, но море снова воспротивилось завоевателям. Цезарь прошел 12 миль вглубь острова, когда известие о том, что сильный шторм разбил или повредил значительную часть флота, вынудило его возвратиться. Ему пришлось потратить 10 дней на то, чтобы выгнать все свои корабли на берег и укрепить лагерь. Суда стали частью римского бивака. Покончив с этим, Цезарь возобновил поход и, без труда уничтожив частокол, за которым укрывались бритты, перешел Темзу около Brentforda. Но среди бриттов нашелся лидер в лице вождя Кассивелауна, оказавшегося мастером воевать в условиях значительного превосходства врага. Распустив по домам массу необученных пехотинцев и крестьян, он оставил колесницы и всадников и не отставал от неприятеля.

Цезарь дает детальное описание сражения с участием колесниц: «В сражении на колесницах бритты начинают с того, что гонят их по полю, метая дротики, и обычно одного ужаса, который наводят кони и стук колес, достаточно, чтобы расстроить неприятельские ряды. Потом, пробившись через эскадроны собственной кавалерии, они спрыгивают с колесниц и бьются пешими. Между тем колесничие отходят на небольшое расстояние от поля боя и располагают колесницы так, чтобы их хозяева, если их будут теснить, могли легко отступить к своим. Таким образом они сочетают мобильность конницы с устойчивостью пехоты, а благодаря ежедневной подготовке и практике достигают столь высокого умения, что даже на крутом склоне способны управлять лошадьми на всем скаку и быстро сдерживают их и поворачивают. Они могут пробежать по дышлу, стать на ярмо и вернуться в колесницу с быстротой молнии».

Кассивелаун, используя эти мобильные силы и избегая подготовленного сражения на заранее выбранном месте, сопровождал совершавшие набеги римские легионы и отрезал отправленные за продовольствием группы. Тем не менее Це-

зарь захватил первый опорный пункт, и племена начали переговоры поодиночке. Хорошо задуманный план уничтожения базы Цезаря на кентском побережье потерпел крах. После этого Кассивелаун, чье политическое благоразумие равнялось его осторожности в тактических вопросах, предложил отдать заложников, выплатить дань и подчиниться в обмен на согласие Цезаря покинуть остров. При полном штиле «он отплыл поздно вечером и на рассвете привел весь флот в целостности и сохранности к берегу».

На этот раз Цезарь провозгласил себя завоевателем. Он получил триумф, и пленные бритты уныло прошли вслед за ним по улицам Рима; но на протяжении почти ста лет никакая вражеская армия уже не высаживалась на берегах острова. Можно было только надеяться, что последующие защитники острова достигнут таких же успехов и что их действия будут также соразмеримы с обстоятельствами. О Кассивелауне известно мало, но он оставил о себе память как о предусмотрительном и искусном вожде, качества которого, хотя и были проявлены в глубокой древности, могут быть сравнимы с теми, которыми обладал Фабий Максим Кунктатор.

ГЛАВА II. ПОКОРЕНИЕ

На протяжении ста лет, следовавших за вторжением Юлия Цезаря, Британские острова не подвергались нашествиям. Города белгов жили своей жизнью, а воинственные племена, не прекращавшие междоусобиц, утешали себя иллюзией, что больше никто не собирается на них напасть. Однако росли контакты бриттов с материком и Римской цивилизацией и процветала торговля многочисленными товарами. Римские купцы обосновались во многих частях острова и, возвращаясь в Рим, привозили рассказы о богатстве далекой страны и тех перспективах, которые перед ней откроются, если там создать сильное правительство.

В 41 г. новой эры после убийства императора Калигулы стечение случайностей возвело его дядю, неотесанного шутовского Клавдия, на мировой трон. Никто не допускал даже мысли, что новый правитель имеет сколько-нибудь связную программу завоеваний. Опытные чиновники определяли все аспекты имперской политики, и она продолжала оставаться столь же крупномасштабной. Все ее направления получали растущую поддержку и одобрение со стороны многих слоев общества. Видные сенаторы открыто высказывали свои взгляды

ды, их важные коммерческие и финансовые интересы соглашались и примирялись, а высшее общество получало новые темы для сплетен. Таким образом, в этот героический период новый император всегда мог получить ряд проектов возможных завоеваний, заранее хорошо продуманных и поддержанных всем римским обществом. Любой из них мог захватить воображение будущих носителей верховной власти. Впоследствии мы видим императоров, вознесенных на вершину власти случайностью, чьими единственными отличиями были их необузданные и изменчивые страсти, дворы которых погрязли в похоти и жестокости. Эти правители были жестокими или слабоумными и, декретируя огромные кампании и ставя печати на важные и благотворные законы, являлись пешками в руках своих советников или фаворитов.

Новому монарху описали выгоды от завоевания непокоренного острова Британия, и это возбудило его интерес. Его привлекла возможность приобрести военную репутацию. Клавдий отдал приказ приступить к этому волнующему и, вероятно, прибыльному предприятию. В 43 г. новой эры, почти сто лет спустя после ухода Цезаря с острова, мощная, хорошо организованная римская армия численностью примерно 20 тысяч солдат готовилась к покорению Британии. «Солдаты возмущались, думая о том, что вести кампанию придется за пределами известного мира», — писал греческий историк Дион Кассий. Когда фаворит императора вольноотпущенник Нарцисс попытался обратиться к ним, они восприняли это как оскорбление. Вид бывшего раба, призванного выступить в роли попечителя их командира, заставил их вспомнить о долге. Они дразнили Нарцисса за его рабское происхождение, насмешливо крича «Йо Сатурналия!» (на празднике Сатурна рабы надевали одежды своих хозяев и веселились), но все же решили подчиниться приказу.

«Эта отсрочка, однако, — вспоминал далее Дион Кассий, — задержала отплытие. Их отправили, разделив на три части, чтобы избежать помех при высадке — что могло случиться, если бы они были все вместе, — и поначалу они пали духом, потому что сбились с курса, но потом ободрились, потому что увидели вспышку света, промелькнувшую с востока на запад, в том направлении, куда они плыли. Они подошли к острову и увидели, что никто не вышел против них, потому что бритты, имея ложные сведения, не ожидали прибытия и поэтому не собрались заранее отразить нападение».

Внутренняя ситуация на острове благоприятствовала вторжению. Кунобелин (шекспировский Цимбелин) устано-

вил господство над юго-востоком острова, его столицей был Колчестер. Но когда он стал стар, раздоры и распри начали ослаблять его власть, и после его смерти королевством совместно управляли его сыновья, Каратак и Тогодун. Их признали не повсюду, и у них не было времени, чтобы образовать коалицию племен до прибытия Плавтия и его легионов. Население Кента прибегло к тактике Кассивелауна, и Плавтию доставило немало трудов отыскать противника, но, в конце концов преуспев в этом, он сначала разбил Каратака, а затем и его брата где-то в восточном Кенте. Затем, наступая по пути, которым шел когда-то Цезарь, он столкнулся с неизвестной ему рекой, Медуэй. «Варвары думали, что римляне не смогут переправиться без моста, и поэтому довольно беззаботно расположились на противоположном берегу», но Плавтий выслал «отряд германцев, привыкших легко плавать в полном снаряжении через самые бурные потоки. Те внезапно напали на врага, но вместо того чтобы стрелять по людям, вывели из строя лошадей, запряженных в колесницы, и в последовавшей за этим суматохе не спаслись даже конники противника». Тем не менее бритты встретили римлян на второй день, и разбить их удалось только после атаки с фланга — Веспасиан, будущий император, смог отыскать брод выше по течению. Эта победа расстроила планы римлян. Плавтий выиграл сражение слишком скоро и не в том месте. Нужно было что-то сделать, чтобы показать, что для полной победы необходимо присутствие императора. Поэтому Клавдий, ожидавший развития событий в Галлии, пересек море, приведя значительное подкрепление, в том числе несколько слонов. Победа в сражении была обеспечена, и римляне взяли верх. Клавдий возвратился в Рим, чтобы принять от Сената титул «Британию» и разрешение провести триумф.

Но война на острове продолжалась. Бритты избегали контактов с римлянами и прятались в болотах и лесах, надеясь истощить завоевателей, чтобы те, как в дни Цезаря, уплыли, ничего не добившись. Каратак бежал к валлийской границе и, подняв тамошние племена, еще в течение более шести лет продолжал упорное сопротивление. Лишь в 50 г. новой эры он потерпел окончательное поражение от уже нового военачальника, Остория, человека способного и энергичного, покорившего все наиболее заселенные районы от реки Уош до Северна. Каратак, бросивший остатки своего войска на западе, попытался поднять племя бригантов на севере, но их царица предала его в руки римлян.

«Молва о нем, — пишет Светоний в «Жизни двенадцати цезарей», — распространилась к тому времени по провинциям Галлия и Италия, и по его прибытии в римскую столицу народ сбежался со всех кварталов, чтобы поглазеть на него. Церемония его вступления в город проводилась с великой торжественностью. На примыкавшей к римскому лагерю равнине выстроили в боевом порядке преторианские войска. Перед ними расположился император со своими приближенными, а позади собралось множество народа. Процессия началась с того, что принесли трофеи, захваченные в войне. Затем провели братьев побежденного вождя, его жену и дочь, закованных в цепи. Униженными жестами и умоляющими взглядами выдавали они одолевавшие их страхи. Но не таков был сам Каратак. Мужественной поступью, с бесстрашным выражением лица подошел он к месту, где сидел император, и обратился к нему так:

«Если бы к своему высокому рождению и видному положению я добавил бы добродетель умеренности, то Рим принял бы меня скорее как друга, чем пленника, и ты не отверг бы союза с потомками прославленных героев, управлявшими многими народами. Поворот моей судьбы принес тебе величие, а мне унижение. У меня было оружие, воины и кони, я владел огромными богатствами, так что удивительного, если я не хочу терять их? Из-за того, что Рим стремится к господству над всем миром, следует ли, что все должны беспрепятственно подчиниться? Я долго противостоял успехам твоего оружия, и действуй я иначе, то разве прославился бы ты новым завоеванием, а я смелым сопротивлением? Теперь я в твоей власти. Если ты решишь отомстить мне, о моей участи скоро забудут, а ты не удостоишься никакой чести. Сохрани мне жизнь, и я надолго останусь памятником твоего милосердия».

Сразу же после этой речи Клавдий даровал ему свободу и так же поступил с другими видными пленниками. Все они благодарили его самым любезным образом и, как только с них сняли цепи, подошли к Агриппине, сидевшей на скамье неподалеку, и повторили ей те же горячие заявления благодарности и уважения».

* * *

Завоевание закончилось еще одной ужасной вспышкой восстания. В 61 г. новой эры, по словам Тацита, «нам пришлось понести в Британии тяжелое поражение». Новый правитель, Светоний, глубоко увяз на Западе. Основные действия римской армии были перенесены из Роксета в Честер. Он

приготовился напасть на «густонаселенный, ставший прибежищем для многих беженцев остров Мона (Англси) и для этого построил флот из плоскодонных кораблей, подходящих для плавания в мелководных морях и не боящихся подводных камней. Пехота переправилась на лодках, а конница перешла бродами; там, где было слишком глубоко, солдаты плыли рядом с лошадьми. Противник выстроился на берегу — плотная толпа вооруженных мужчин, в которой виднелись фигуры женщин в черном, похожих на фурий, с распущенными волосами и факелами в руках. Вокруг были друиды, выкрикивавшие страшные проклятия и протягивавшие к небу руки. Столь непривычное зрелище устрасило солдат.словно парализованные, они замерли неподвижно, подставляя свои тела под удары. Наконец, ободренные полководцем, побуждая друг друга не теряться перед толпой женщин и фанатиков, они перешли в наступление, сломили сопротивление и оттеснили врага в огонь факелов.

Светоний разместил у побежденных гарнизон и приказал вырубить их священные рощи, где проводились свирепые обряды: ведь частью их религии было пролитие крови пленных на алтари и вопрошение у богов судьбы через истолкование значения человеческих внутренностей».

Эта драматическая сцена на границах современного Уэльса была прелюдией к трагедии. Умер Прасутаг, король обитавшего на востоке племени иценов. Надеясь спасти королевство и свою семью от назойливых притязаний, он назначил Нерона, ставшего императором после Клавдия, своим наследником вместе с двумя своими дочерьми. «Но, — пишет Тацит, — получилось наоборот. Его царство было разграблено центурионами, а его личное достояние — рабами, как будто их захватили оружием. Жену царя, Боудикку, высекли плетьюми, а дочерей обесчестили. У всех вождей иценов отобрали унаследованное от предков имущество, как будто римляне получили всю эту область в дар, а родственников самого царя низвергли в рабство». Так пишет римский историк.

Племя Боудикки, самое сильное и до сей поры самое покорное, яростно выступило против римских завоевателей. Ицены взялись за оружие. Почти все жившие поблизости бритты встали под знамя Боудикки, и она оказалась во главе многочисленной армии. Ненависть, словно вырвавшаяся из бездны, соответствовала степени жестокости завоевания. Это восстание было похоже на крик ярости и гнева против неодолимого завоевания, который словно придавал бриттам сил. Немецкий историк Ранке назвал Боудикку «яростной, искрен-